

Моисеев Евгений Михайлович

Что у меня есть – жив! - старший брат, я тоже узнал только много лет спустя, когда вырос из детства окончательно. Виной тому – война... И тогда же услышал впервые, что родился я в Ленинграде на Васильевском острове, на 17-й линии в 1940 году. Что моего отца звали Моисеев Михаил Гурентьевич, маму - Екатерина Андреевна Андреева. Имена родных по материнской линии не знаю-не ведаю до сих пор. Родители познакомились в 1937 году, и через год родился сын Виктор, а потом и я...

На фронт отца не призвали: подвело зрение. Но он ушёл добровольцем. Мама в то время не работала, поскольку ухаживала за маленькими детьми. ... Наше «общежитие» явно в то время не нравилось нашей соседке по коммунальной квартире, потому что мы варварски нарушали тишину в короткие часы, а то и минуты ее отдыха после тяжелых заводских смен. Она очень уставала на работе - но мы не прекращали своих шумных игр, громкоголосых выяснений отношений с братом...

...Откуда же я, тогда двухлетний мальчишка, что хоть что-то смог узнать про то страшное время и про родных?

...Впервые я вернулся в мой город, «незнакомый до слез», только в середине 50-х, и услышал, что произошло в Ленинграде зимой 42-го - от той самой нашей бывшей соседки по коммуналке, из когорты первых большевичек. Уже в самом начале войны мы с братом стали терять свои слабенькие силенки, и в нашем общении практически осталось всего несколько коротких слов... Да и соседка все реже и реже появлялась дома, куда-то уезжала, оставалась ночевать на работе, чтоб не терять время на дорогу...

В блокаду иждивенцам выдавали по 125 граммов хлеба. Как писала Ольга Берггольц: «Сто двадцать пять блокадных грамм с огнём и кровью пополам». Мама стала продавать вещи, мебель пошла в печку, но хватило ненадолго. Хлеб она давала нам маленькими кусочками, по рассказу соседки, растягивая эти 125 граммов на весь день. Но мы просили и просили – ещё. Всё чаще нам доставалась и мамина пайка. Слёз ни у кого не было. Вообще, насколько знаю, люди тогда не плакали: трагедии стали обыденностью, свыкались даже со смертью близких. И однажды, это уже октябрь 42-го, соседка после нескольких дней отсутствия вернулась домой, и холодная квартира встретила её безжизненной тишиной. Заглянула в нашу комнату: мы с братом, не шевелясь, лежали, прижавшись к уже мертвой матери, с обеих сторон... По первости у женщины мелькнула мысль: умерли все трое. Но мы еще дышали, леденя от мертвого холода. Она забрала нас к себе, отогрела, чаем напоила, что-то еще делала – «оживляющее»... Продержала несколько дней на своём «трудовом» пайке - и отвела-отнесла нас в ближайший детский эвакуопункт. А всё, что я помню сейчас о матери - только два слова: «Мама, хлеба», которые мы тогда бесконечно повторяли и

Нас с братом в большой группе осиротевших детей отправили на большую землю на барже в глубокий тыл. Аж за Урал. Планировалось так: плывем до Горького по воде, а оттуда поездом в детские дома Тюменской области. Но я настолько ослабел, что сопровождавшие нас взрослые забоялись, что до Горького малец может не дожить - и сняли, полуживого, с баржи в поселке Сокольское. Так я оказался на Ивановской земле, и с братом, добравшимся тогда до Тюмени, мы расстались-потерялись на многие годы...

...В Ивановском училище при заводе «Торфмаш» освоил специальность слесаря по ремонту промышленного оборудования. Наш выпуск из ПТУ направили работать в Кохму, где тогда строили завод «Строммашина», дали общежитие. Новые наставники, узнав, что я из Ленинграда, советовали: надо съездить туда, может, родственники найдутся? А мне 16 лет. Кто-то из ребят сказал, что у него там есть дядька, полковник, он поможет, если что... И я поехал. Тогда мы, мальчишки, билеты на поезд не покупали. При посадке их не спрашивали. Зайдешь в вагон, заберешься на третью полку, спрячешься за матрацами, переждешь проход контролера по составу с проверкой – нет ли «зайцев» - и спускайся, никто больше не побеспокоит. В Ленинграде нашёл того полковника. Встретил он меня хорошо, сводил туда, где мне дали адрес нашей, из довоенной жизни, квартиры. Вот тогда я и встретился с той самой соседкой, которая спасла нас с братом от смерти. Звали её тётя Маша, фамилия - Окулова. Рассказала она тогда и про моих родственников – двух двоюродных братьев и двоюродную сестру. Потом я всех их нашёл. Но мы не сблизилась. А в нашей комнате давно жили чужие люди.

Сколько же шумных, душных для меня многолюдных городов я видел, знал... Причем, в каждом строил дома с резными наличниками, сажал голубые ели - и без всякого сожаления покидал их.

Вернулся в Кинешму в 70 лет – и заболел огромным желанием навсегда «заземлиться» - в самом красивом месте. Только бы найти!

Устроился на работу. Жил в какой-то подсобке, а в свободное время объезжал живописные уголки района велосипеде и всё искал «землю обетованную», чтобы построить на ней что-то главное, вечное. И себя тоже. О чем, наверное, потаённо всю мою беспокойную жизнь мечтала детдомовская душа на всех бесконечных путях-дорогах. Поиск привел - это уже в 2009-м - в Гаврилово. Глухую, тупиковую деревню, да и не деревню даже - так, одно название: три жилых дома, еще один - развалина, от четвертого остался только сарай, и тот разрушенный. А вокруг – такая раздольная красота, и такая звонкая, чистая тишина, и столько во всём этом мира и спокойствия...

Приобрел участок, и каждый день после работы, на велосипеде, на протяжении трех лет ездил сюда, за тридцать с лишним километров от Кинешмы, строить свою новую жизнь. Своими силами, своими руками...

Копал, ставил фундамент. Завёл бетономешалку, на себе возил, таскал строительные материалы. Рыл колодец, котлован под бассейн с фонтаном, строгал, пилил, красил... Выращивал из семян и сажал деревья. А через три года, оставив работу в Кинешме, соорудил надежный сарай, в котором поселился на время стройки дома. Завёл, по всем правилам, натуральное хозяйство – живность, огород с теплицей. Сейчас брат Виктор, садовод-любитель, поддерживает меня – на расстоянии – во всех задумках. Он тоже не из беспамятных: возглавляет общество блокадников Нижнего Тагила. Каждый год встречаемся с ним в Питере в день снятия блокады.

Долго пытался узнать о судьбе отца. На все запросы получал одинаковый ответ: числится среди без вести пропавших. И только в 2010 году из военкомата пришло сообщение, что Моисеев М.Г. получил тяжёлое ранение, лечился в госпитале города Колпино, там и умер в 1942 году от ран. Я посчитал, что необходимо увековечить память отца, чтобы и его имя появилось на монументе защитникам Ленинграда. Губернатором Санкт-Петербурга тогда была Валентина Матвиенко. Написал ей письмо, что отец защищал город, умер от ран, а имени его на памятнике нет. И мою просьбу удовлетворили. А мама, узнал, похоронена на Пискаревском кладбище.

Тогда же и задумался: а для чего я живу? Надо сделать что-то для души. Много осмыслял, читал о блокаде, о детях, познавших её ужасы. Поначалу решил в их память посадить 900 деревьев – по числу дней блокады. В лесничестве мне дали горсть элитных семян елей. Посеял, поднялось много больше. Посадил, сколько задумал, недалеко от дома, остальные саженцы отдал в школу. Теперь ровная стройная аллея выстроилась с обеих сторон дороги, что идёт от юрьевецкой трассы до Решмы. Вокруг своего дома создал красивый ландшафт. Вдоль одного забора растут берёзки, вдоль дорожек – свечи южного дерева туя. Соорудил бассейн, это заняло три года. Пока его делал, пришла мысль: между бассейном и речкой Юхма создать мемориал в память о ленинградцах-блокадниках. Всё делаю все своими руками и на свои деньги, финансово помогает брат.

По трём сторонам бассейна начал сооружать стенды. Их размер – метр восемьдесят в высоту и метр двадцать в ширину. На них планирую разместить фотокадры самых трагических и самых знаковых событий в истории Ленинграда – от начала блокады до её снятия. Под ними – документальные сведения о тех 900 днях. Тогда любой пришедший сюда сможет осознать и понять, какой она была – блокада, каким вышел из нее город-герой Ленинград. А с обратной стороны стендов – виды современного Петербурга.

...Мне уже много лет, а моими мыслями и реальными поступками движет память о той войне, о погибших в ее пекле людях, о жертвах блокады Ленинграда, в том числе моих родителей...

